

П. А. Кропоткин и русское революционное движение

“ Не говорите мне: он умер — он живет...

Уже десять лет! Десять лет, как разразился над нами этот удар — разразился как гром: ведь нам казалось, что этой жизни не может быть, не должно быть конца. Слишком много было в ней слито сокровищ ума и души, и, чем больше шли годы, тем она, казалось, становилась полнее, шире, многостороннее. Она должна была быть бесконечной, как сама борьба человечества за лучшее будущее...

Мало кто прожил такую полную, богатую, гармоничную жизнь. Быть деятелем русского социализма на заре движения, в лучшую, идеальнейшую его пору; принести в западную Европу самые светлые черты этого движения и там, слив его со всем тем, что дало европейское рабочее движение, тоже героической эпохи — эпохи Интернационала, положить начало новому течению в социализме — течению, которому, даже по признанию его противников в настоящем, принадлежит все будущее социализма. Стать одним из светочей человеческой мысли и освободительной социальной борьбы, дожить до революции — и где? в горячо любимой России! — вернуться, видеть пробуждение народа. . . Но видеть и то, как подтверждаются все опасения ложного пути революции — и все таки кончить жизнь глядя вперед, с полной верою в будущее...

Чем дальше, тем больше мы будем чувствовать, что с нами нет светлого ума и светлой совести Кропоткина. Особенно почувствуется это в России тогда, когда откроется какая-нибудь возможность свободного строительства новой жизни.

Кропоткин — великая фигура всемирного революционного движения, но что он был русский и свою деятельность начал в России — далеко не безразлично. Он принадлежал к тому избранному поколению семидесятников, к числу тех людей „с сердцами из золота и стали“, которые останутся навсегда лучшими, чистейшими представителями социализма в мире. Такие эпохи не повторяются, как не повторяется юность в жизни человека. С верою, с преданностью народу, с самоотвержением этих пионеров, этих интеллигентов, отказавшихся от всех привилегий, чтобы принести народу свою жизнь и свою душу, — не может сравниться ничто. Кропоткин был из них самым выдающимся, по сокровищам ума, сердца и таланта [1]. И все эти яркие черты он принес с собою в западно-европейское движение: безграничную преданность рабочему делу — не головную, а впитавшуюся в плоть и кровь, ставшую органической частью человека, и ту особую жажду личной последовательности, ту „социалистическую нравственность“, которая отличала русских деятелей того времени, а у Кропоткина осталась основой всей его жизни. В этой жизни не

было места ни компромиссам, ни противоречию между словами и делом; и не нужно было для этого Кропоткину ни усилий, ни ломки себя: это естественно вытекало из всего его существа. Потому-то каждый из нас, кому только приходилось лично сталкиваться с ним, и чувствовал на себе его особенное, возвышающее влияние. И много нужно будет усилий деятелям нашего движения, чтобы создать в своей среде ту нравственную атмосферу, ту идейную непримиримость и личную последовательность, которая так легко и естественно создавалась вокруг Кропоткина. Много вопросов ставит движение, много нравственных конфликтов приходится ему разрешать; Кропоткин разрешал их сразу, чутьем — и жизнь всегда показывала, что он был прав.

В первые годы, даже в первые десятилетия своего пребывания в западной Европе, Кропоткин стоял в стороне от русского движения. Ему не был симпатичен тот оборот, который оно приняло. В партии „Народной Воли“, несмотря на то, что он высоко ценил ее борцов, а с некоторыми из них его связывала тесная личная дружба, ему были чужды некоторые черты. Он не верил в возможность совершить революцию для народа, но без народа; мечта одного энтузиаста-народовольца: „Мы добудем народу свободу сами, своею кровью, а он пусть сохранит себя, пусть не гибнет в борьбе, довольно наших жертв“ — эта мечта казалась ему благородной, но неосуществимой утопией. Он был убежден, что осчастливить народ нельзя без его участия, что народной самодеятельности не может заменить ничто. И чем больше изучал он историю, особенно историю революционных движений, тем глубже становилось его убеждение, что никакая кучка преданнейших революционеров, никакая социалистическая власть не может построить новой жизни вне народной инициативы.

Кроме того, „Народная Воля“ поставила себе целью прежде всего свержение самодержавия, оставляя на позднейшее время борьбу за социалистический идеал. Кропоткин же в корне отрицал это деление цели на два момента: сначала — политический, затем — экономический. Известно, каким большим вопросом русского революционного движения было отношение между политикою и экономикою. Для Кропоткина, с его широкими историческими знаниями, с его способностью схватывать всегда внутренний смысл революционных движений (слишком часто заслоняемый у других партийными программами) ответ на этот вопрос всегда был ясен. „Идти к социализму, или даже к земельному перевороту, через политический переворот, писал он, — чистейшая утопия, так как сквозь всю историю мы видим, что политические перемены вытекают из совершающихся крупных экономических переворотов, а не наоборот. Вот почему освобождение русских крестьян от лежащего на них по сию пору гнета крепостного права становится первою задачею русского революционера. Работая на этом пути, он, во-первых, работает прямо и непосредственно на пользу народа, и в прямой пользе народа видит высшую цель своих усилий, а во вторых, он подготавливает ослабление централизованной государственной власти и ее ограничение“ [2]. Свергнет самодержавие, говорил Кропоткин, не заговор кучки героических революционеров, а народное восстание, и будет оно не с политической только, а с социалистическою подкладкой; так всегда бывало в истории. И история, которую ему самому пришлось пережить, показала, что он был прав.

Еще менее симпатично было Кропоткину направление русского марксизма — социал-демократия, народившаяся в конце 80 годов. Все в ней отталкивало его: и философская подкладка — метафизическое гегельянство, чуждое естественно-научному методу положительной науки, и узкий догматизм, и идеал централизованного государства, и — особенно по отношению к России — полное игнорирование жизни и интересов крестьянства, т. е. огромной массы русского народа.

Но вот пришло время, когда в русскую революционную среду проник анархизм. Богатая анархическая литература, первое место в которой принадлежало брошюрам и книжкам Кропоткина, не могла остаться без влияния на русскую студенческую и эмигрантскую молодежь за-границею. Первыми ласточками русского анархизма были несколько русских студентов в Женеве, предпринявших издание на русском языке анархических брошюр. Первая из них появилась в 1892 году; это была „Парижская Коммуна и понятие о государственности" Бакунина; а следующим выпуском — была первая часть „Речей бунтовщика" Кропоткина, появившаяся под названием „Распадение современного строя".³⁴ Легко себе представить, как сочувственно отнесся Кропоткин к этому начинанию. Он сейчас же послал издателю „Анархической Библиотеки" „Открытое письмо", в котором говорил о необходимости создания и в России анархической формы социализма и отмечал пункты расхождения с другими социалистическими партиями. Напомним ответ, который дается в этом письме на ходячее возражение об отдаленности и неосуществимости анархического идеала.

„Дело в том, пишет Кропоткин, что человечество — не единственная личность, и что в нем, во всякий момент его развития, носится несколько различных идеалов — идеал крепостнический, конституционный, социалистический, анархический и т. д. Но ни один из этих идеалов не осуществляется во всей своей полноте, потому что гораздо раньше, чем который-нибудь из них дошел до своего осуществления, уже возникают, или вернее усиливаются, новые идеалы, вызванные новыми условиями жизни, и эти новые идеалы видоизменяют старые.

„Всякий прогресс человечества есть равнодействующая различных течений мысли, развивающихся в обществе в данную минуту; так что утверждать, что сперва осуществится вот такой-то идеал, а потом другой — просто значить ложно истолковывать факты истории вообще" [3].

Инициатива издателей „Анархической Библиотеки" имела успех. Русская анархическая пропаганда стала быстро расширяться и участие Кропоткина в ней становится все активнее. Скоро на русском языке появляются все его главные произведения: кроме „Речей бунтовщика", „Хлеб и Воля", „Анархия, ее философия, ее идеал", ряд отдельных брошюр. Для русской пропаганды он пишет брошюру „Современная наука и анархия" (1901 год), впоследствии послужившую канвою для книги, вышедшей под тем же заглавием, сначала на французском языке, а затем на русском, уже в России, после революции (в издательстве „Голос Труда"). Основывается прочная и тесная издательская группа, в которую входят Кропоткин, Черкезов и несколько молодых товарищей.

В 1902 году выходит в Женеве первая русская анархическая газета — „Хлеб и Воля“; Кропоткин деятельно со* трудничал в ней, в ряде статей разбирал и вопросы анархизма вообще, и вопросы, возникавшие в это время в связи с под’емом революционного движения в России. [4] „Хлеб и Воля“ последовательно проводила взгляды „бакунинскокропоткинского“ анархизма, в противовес некоторым нарождавшимся течениям индивидуалистического склада. Анархизм возбуждает в русской молодежи за-границею живой интерес, как совершенно новое, непохожее на все другие, направление в социализме; сочувствие к нему растет и из за-границы он скоро переносится в Россию. В 1903 — 1904 гг. — там уже существуют, особенно на юге и на западе России, многочисленные группы, и в революции 1905 года анархисты уже играют самостоятельную роль. Приложение анархических программ к жизни ставит сейчас-же ряд сложных, трудных и спорных вопросов, тем более трудных, тем более спорных, что революционному моменту, активной борьбе не предшествовал для русских анархистов период более спокойной теоретической работы. В то время, как у социал-демократов и с.-р.’ов задолго до революции 1905 года существовала обширная, даже легальная, литература — народническая и марксистская, анархическая мысль проникла в Россию гораздо позже, в момент, когда уже шло боевое движение и о разработке теорий думать было некогда: нужно было сейчас же действовать. Требования революции застали, поэтому, анархистов недостаточно подготовленными идейно и без опыта в прошлом; в этом — причина многих принципиальных и тактических ошибок и страшной траты драгоценных сил в эпоху 1904 — 1907 годов. В анархическом движении сразу же наметилось несколько течений: хлебовольцы, чернознаменцы, безначальцы. „Кропоткинцами“ были, собственно, только хлебовольцы: остальные, хотя и черпали свой теоретический запас из того же источника, в программных своих взглядах и в тактических приемах были проникнуты скорее духом индивидуалистического анархизма. Но все они были равно преданы революции и все героически отдавали свою жизнь. Потому-то, не смотря на расхождения, часто очень острые, Кропоткин и относился ко всем молодым товарищам истинно по-братски, с неистощимой терпимостью. Все, кто присутствовал в то время на беседах Петра Алексеевича с молодежью, помнят, как он слушал с ласковой улыбкой, с мягким взглядом своих серых глаз какого-нибудь юношу, доходившего, в своей крайности, до абсурдов. Но насколько он был снисходителен ко всякому искреннему увлечению, настолько он был строг к выбору путей борьбы. Были черты, были приемы пропаганды, которых Петр Алексеевич не терпел. Его глаза становились тогда стальными и суровыми и его осуждение было безповоротно. Прежде всего, он относился с безусловным отвращением к принципу „цель оправдывает средства“ и всему, что сколько-нибудь отзывалось этим принципом, будь то в вопросах организации, в способах добывания средств, в отношениях к враждебному лагерю, или к другим партиям и т. д. Слово „нечаевщина“ было в его устах всегда резким осуждением. Затем, он был всегда крайне чувствителен ко всему, что походило на безответственный призыв к опасному делу: право призывать к революционным актам он признавал только за тем, кто сам совершает их; поэтому в революционной литературе нет ни одной его статьи о терроре, и товарищам, которые брали на себя смелость писать на эту тему, он советовал всегда крайнюю осторожность в выражениях. К организованному террору он относился неприязненно; так, ему была несимпатична — даже в самую блестящую ее эпоху — Боевая Организация с.-р.’ов, именно потому, что в ней были вожди, намечавшие определенные акты и выбиравшие исполнителей.

Вопросы тактики вызывали в то время много споров в нашей среде. Помню, в декабре 1904 года собрался в Лондоне маленький съезд русских анархистов; собственно, это был даже не съезд, потому что никто не был никем делегирован, а просто несколько молодых товарищей (из которых некоторые только что приехали из России) приехали поговорить и посоветоваться с Кропоткиным о русских делах и вопросах. А вопросов было не мало: и отношение к демонстрациям конституционного, либерального характера, происходившим тогда в России, и практические вопросы добывания средств для революционной работы и т. д. Некоторые товарищи („чернознаменцы“), в своем отрицании буржуазного парламентского строя, считали нужным относиться враждебно ко всякой чисто-политической агитации, не шедшей дальше свержения самодержавия. Кропоткин считал такую точку зрения ложной и искусственной: „Пусть либералы ведут свою работу, мы не можем быть против нее; наше дело — не бороться с ними, а вносить в существующее революционное брожение свою идею, расширять поставленные требования, вести движение дальше той цели, которую ставят другие партии [5]. Но особенно остро, даже трагично, стоял тогда вопрос о т. наз. „экспроприациях“. Их признавало — с оговорками или без оговорок — большинство русских партий; признавали их и работавшие в России анархические группы. Кропоткин высказывался безусловно, категорически против. Он указывал на неизбежную деморализацию, которую вносил такой способ добывания средств в революционную среду, и на напрасную трату жизней молодежи из-за денег; особенно же он настаивал на том, что экспроприациями нарушается трудовой принцип. „Только труд должен быть источником как личной жизни, так и жизни партии, говорил он. Наша пропаганда должна поддерживаться сочувствующими, рабочими, читателями наших газет; деньги буржуа нам не нужны — ни пожертвованные, ни украденные“. Кропоткин заклинал молодежь отказаться от этого опасного пути, указывал на ряд примеров того, как губительно тактика экспроприаций отзывалась на движении в других странах, как часто она губила прекрасных людей, увлекавшихся ею. И его горячая речь была так убедительна, что один из товарищей, приехавший из России, плакал. Этот товарищ был убежденный сторонник экспроприаций. „Если мы попадемся“, говорил он, „мы скроем, что мы — анархисты; пусть лучше мы прослывим простыми ворами, чем будет скомпрометирована наша идея. Мы будем так осторожны, так добросовестны, что никакая деморализация нас не коснется“. И, действительно, они были и честны, и осторожны, но это были они, а как могли они оградиться от людей менее стойких и выдержанных? Сколько зла принесли экспроприации в эти годы — знают все те, кто сталкивался с жизнью анархических групп, и многие из тех, кто тогда защищал их, впоследствии должны были признать, что Кропоткин был прав.

Совещание в Лондоне, после обмена мнений по целому ряду вопросов, пришло к некоторым общим заключениям, которые были напечатаны в газете „Хлеб и Воля“ [6]. Вот некоторые выдержки из них, отвечавшие на жгучие вопросы того времени:

„В виду надвигающейся русской революции мы не можем оставаться безучастными к происходящему в России движению против самодержавия. Считая самодержавие одною из самых вредных форм государственности, мы думаем вместе с тем, что наша задача — не только содействовать его ниспровержению, но и расширять борьбу, направляя ее одновременно против капитала и государства во всех их проявлениях. Мы не признаем возможным делить нашу борьбу на два последовательных периода: один — для совершения политического переворота, а другой — для экономических преобразований при помощи

новых государственных учреждений". Другой пункт резолюций, провозглашавший право масс и личностей на восстания и революционные акты, кончался словами: „По отношению к личным актам, мы прибавляем, что они не могут быть результатом постановлений организаций, а потому вопрос о том, следует ли прибегать в каждом данном случае к тем или другим террористическим актам, может быть решаем только местными людьми, в зависимости от местных и наличных в данный момент условий". Среди этих резолюций нет такой, которая касалась бы вопроса об экспроприациях; это — потому, что по этому вопросу к соглашению не пришли; товарищи из России стояли на своем. На наших совещаниях мы не решали вопросов большинством, и когда какая-нибудь резолюция публиковалась, то это значило, что на ней сошлись все. Что касается экспроприаций, то была еще одна причина, по которой о них всегда так мало и так глухо говорилось в нашей печати. Мы брали в этом отношении пример с Кропоткина, который никогда не нападал на экспроприаторов публично. Никогда не нападать на преследуемых было его правилом, а экспроприаторы преследовались ожесточенно: сколько было их казнено по приговорам военно-полевых судов столыпинского времени! И как не было сильно его желание отвратить молодежь от этого пути, он воздерживался от всякой полемики в печати по этому вопросу: слишком бережно относился он к приносимым жертвам...

Наступил 1905 год. 9-ое января — первое крупное выступление не-партийной рабочей массы — и широкая волна всеобщих забастовок, прокатившаяся тогда по всей России, были для Кропоткина несомненным признаком, что революция — близка. В конце 1905 года Кропоткин собирался ехать в Россию и уже мечтал об издании там большой народной газеты (на потребность в ней указывали ему друзья в России). Но растерявшееся было правительство быстро собралось с силами и справилось с движением; на московских баррикадах оно было раздавлено и начались жестокие репрессии. Доступ в Россию снова был закрыт, а за-границу очень скоро нахлынула новая, молодая эмиграция, пережившая революционные события.

Новые и новые вопросы.... На первый план выступают теперь задачи и пути рабочей организации. Помню, в сентябре 1905 года, первый, после долгих лет, приезд Кропоткина в Париж. Приехал он полулегально (над ним еще висел тогда декрет о высылке из Франции) и остановился на квартире знакомого художника, француза. Собраний сколько-нибудь открытых устраивать было нельзя, но мастерская художника наполнилась анархической молодежью, по большей части собиравшейся ехать в Россию. Центром разговоров было участие анархистов в профессиональных рабочих союзах. Это было время расцвета французского революционного синдикализма и товарищи, знакомые с заграничным рабочим движением, горячо говорили об успехах анархических идей в рабочей среде, о том, как рабочие организации охотно воспринимают и свободный анархический идеал, и анархическую тактику прямого, непосредственного действия (в противоположность парламентскому пути социал-демократии). Они мечтали о том, как подобное же рабочее движение создастся усилиями анархистов и в России. Другие, наоборот, относились к профессиональным союзам свысока, как к буржуазным, и революционный дух видели только в босяцких элементах народной массы; участие в союзах, организация их казалось им уступкою, отклонением от анархического идеала. Различие лежало, собственно, в исходной точке зрения: „синдикалисты“ имели в виду, главным образом, задачи будущего, момент строительства; „анти-синдикалисты“ заботились больше о революционной борьбе

сегодняшнего дня и боялись, что анархисты растворятся в общей рабочей массе, которую они считали мало революционной. Кропоткин ставил, главным образом, вопрос о тех условиях, которые необходимы как для победы революции, так и для успеха в создании нового общества. В этих долгих и горячих спорах он далеко не выставлял на первый план революционный дух, царящий в передовой рабочей среде: его наблюдения над английским рабочим движением, которое он близко знал, не располагали к этому; но он указывал на то, что, как бы мы не судили о современных нам рабочих организациях, худы они, или хороши — все равно: без них всякая революция будет обречена на неудачу, потому что именно они призваны сыграть решающую роль в перестройке общества на новых экономических началах. Работа в их среде, поэтому, особенно важна. Деятельности же среди босяков он, исходя именно из этих соображений, большого значения не придавал [7].

Позднее в наших партийных спорах возник другой вопрос, отчасти связанный с этим: об отношении к создавшимся в первый раз в 1905 году Советам Рабочих Депутатов. Можно-ли, следует ли анархистам входить в них? Да, отвечали синдикалисты. Нет, отвечали их противники. Вопрос этот был главной темой одного из собеседований молодежи с Кропоткиным. „Идти в Советы можно“, говорил он, но, конечно, только постольку, поскольку эти советы — органы борьбы с буржуазией и государством, а не органы власти. Однако сам, лично, я предпочел бы оставаться в рабочей массе“.[8]

В 1906 — 07 годах стала издаваться газета «Листки „Хлеб и Воля“», в которой Кропоткин принимал горячее участие; он вошел деятельным членом в редакцию и давал для каждого номера передовую статью на злободневные темы русской жизни. Решение издавать эту газету было принято на маленьком съезде, в Лондоне, осенью 1906 года. В основу программы ее были положены принятые на съезде краткие резолюции по основным вопросам. Петр Алексеевич придавал этим резолюциям большое значение, как программе, вокруг которой можно объединить анархические силы; по большей части он и составлял первоначальный текст их, но с таким вниманием относился к каждой поправке, к каждой высказанной другими мысли, что получалась действительно коллективная работа.[9]

На «Листки „Хлеб и Воля“» Кропоткин положил много сил и времени; хотя все остальные члены редакции находились в Париже, но печаталась газета в Лондоне и Кропоткину приходилось нести на себе ту неизбежную редакторскую работу, которую приходится делать всегда в последнюю минуту пред выпуском номера. Он пополнял газету, если не доставало материала, печатал интересные выдержки из писем из России, давал библиографические отчеты и т. д. Газета, таким образом, была богата ценным литературным материалом, но, к сожалению, она не обладала достаточной технической организацией, для переправки в Россию и распространения там; она просуществовала, поэтому, меньше года.

Когда прекратилась газета, наша издательская группа предприняла под руководством Кропоткина печатание ряда брошюр; в этой серии вышла между прочим его брошюра „Нравственные начала анархизма“. Затем был издан русский перевод „Великой Французской Революции“ Кропоткина, целиком отредактированный им самим и наполовину им сделанный.

В последние месяцы перед войной Кропоткин сотрудничал еще в создавшейся тогда в Париже газете „Рабочий Мир“, органе незадолго перед тем образовавшейся федерации русских анархистов. Но в редакцию этой газеты он не входил, отчасти потому, что главные свои силы посвящал в это время работе над „Этикою“, отчасти же в виду самого характера органа: он не любил т. наз. „официальных органов“ партий или федераций, которые всегда должны отражать взгляды всех членов, или какое-то „среднее“ мнение организации. Он предпочитал органы небольших групп, члены которых хорошо между собою спелись; все издания, в которых он принимал близкое участие, были именно такого типа.

Война все прекратила, все порвала. Русская пропаганда за-границею заглохла; наступили другие заботы. Все внимание Кропоткина было поглощено обще-европейскою драмою. И вместе с тем он все пристальнее стал смотреть внутрь России, где уже с первых дней войны он почувствовал близость революции. В письмах к одному из своих корреспондентов (Стефену) он выражал уверенность в том, что самодержавие скоро падет и в России водворится новый политический порядок, федералистического типа; русское правительство в глазах всех, даже самых близоруких, обнаруживало свою полную неспособность, даже в военном деле; с другой стороны, его лживые обещания всякого рода реформ после войны должны были несомненно, в свое время, когда обман обнаружится, вызвать взрыв негодования. „Почему вы так уверены в том, что в России будет революция?“ спрашивали Кропоткина. „Да хотя бы уже по одному тому, что все ее ждут“, отвечал он.

И она пришла, быстрее, чем думали (все ждали ее после войны). Не было границ радости Петра Алексеевича. В первые же дни он стал получать из России телеграммы, зовущие его туда. Но он и без зова уже ехал. „Революция не ограничится свержением монархии, говорил он многочисленным, осаждавшим его посетителям (русским, иностранцам, партийным людям, журналистам), она расширится и примет социальный характер“. И при первой же возможности (а эти возможности были ограничены в виду войны) он уехал ей на встречу — через 40 лет после того, как высадился на берег Англии. Уезжая, он не забыл тех, среди кого протекла его долгая жизнь революционера-интернационалиста: он простился с западными рабочими открытым письмом, широким взглядом охватывающим задачи ближайшего будущего...

С момента отъезда, Кропоткин был отрезан от нас, оставшихся за-границею: между Россией и Западною Европою вскоре встала китайская стена. Писал ли он своим западным друзьям? Вероятно, да. Но где эти письма? До нас лично, одно его письмо дошло через год после того, как было отправлено. Нам не приходится говорить, поэтому, о том, как жил и что думал Кропоткин в эти последние годы; пусть сделают это те, кто имел счастье соприкоснуться с ними в России. Отметим только одно: с его всегдашнею способностью останавливаться на самом главном, пренебрегая преходящим, второстепенным, он, при всей своей, вполне определенной, враждебности строю диктатуры, видел в происходящем в России гораздо больше, чем господство большевистского режима: он видел, главным образом, совершающуюся на его глазах революцию, зарождающуюся новую жизнь. Ее создают не большевики и никакая другая партия: она во много раз сложнее и значительнее всяких партий. Интересы революции, защиту ее от ее врагов, Кропоткин ставил всегда выше всяких партийных соображений. Это очень ярко видно из двух его писем: одно — к его старому другу Г. Брандесу, другое — к английским рабочим, написанное годом позже.[10] Кропоткин

знал, что диктатура пройдет, а завоевания революции, глубокий переворот в умах, останутся. Он знал, что еще много всяких фазисов придется пережить русской революции, но что общее движение ее вперед остановлено быть не может.

В сущности, только теперь открывается та эпоха, в которой ему следовало бы жить. Его творческий ум, его обширные знания, его жизненное чутье, его умение всегда угадывать, что в данный момент всего важнее, были бы неоценимы в эпоху строительства новой жизни. И много, много раз почувствует еще революция, что с нею нет ума и сердца Кропоткина...

Примечания

1 Он был членом известного кружка „чайковцев“ в автором программы этого кружка, носившей название: „Должны ли мы заниматься рассмотрением идеала будущего строя“. Эта программа была напечатана в журнале „Былое“ за 1921 год, в сборнике „Памяти П. А. Кропоткина“, изд. Кропоткинского Комитета в Москве, в 1921 г.

2 Письмо П. А. Кропоткина к издателям „Анархической Библиотеки“ (стр. V), служащее предисловием к брошюре Бакунина: „Парижская Коммуна и понятие о государственности“ (Женева, 1892).

3 Там же, стр. VII.

4 Статьи эти не подписаны, т. к. в „Хлеб и Воля“ статьи вообще не подписывались, но вот их заглавия: „Мирный исход или революция?“, „Нужен ли анархизм в России?“, „Революция началась“, „Русская Революция“, „Крестьянское восстание“, „Организация или вольное соглашение“, „Бакунин“, „Русский рабочий союз“.

5 См. в этом же сборнике письмо Кропоткина, написанное гораздо раньше (в 1897 году), где он говорит о возможности и пределах участия в движениях не-анархического характера.

6 „Хлеб и Воля“, № 14, январь 1905 г.

7 Об отношении Кропоткина к синдикализму см. статью в настоящем сборнике.

8 Об отношении Кропоткина к советам см. в настоящем сборнике „П. А. Кропоткин и Русская Революция“.

9 См. брошюру „Русская Революция и Анархией“.

10 См. в настоящем сборнике: „П. А. Кропоткин и Русская Революция“.

Версия #1

Зверобой создал 21 февраля 2026 09:18:05

Зверобой обновил 21 февраля 2026 09:49:46